

ИЗМЕНЕНИЯ КОЛЛЕКТИВНОГО СОЗНАНИЯ КАЗАКОВ ЮГА РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Н. Б. Акоева, Н. И. Заева

Исторически характер коллективного сознания казачьего населения Юга России определялся рядом сложившихся факторов. Важнейшие из них были связаны с особенностями географического положения края, характером регионального ландшафта и своеобразием его природной среды. Казачеству в период его заселения приходилось сталкиваться с рядом условий, определяемых спецификой пространственно-временного континуума колонизируемого региона. В рассматриваемый нами период пространственно-временной фактор продолжал оказывать существенное влияние на повседневную жизнь казачьего населения российского Юга, ее бытовые особенности.

В целом для этого региона было характерно сочетание различных ландшафтных и климатических зон. Это разнообразие в значительной степени, определяло экономическую и хозяйственную жизнь населения, его деятельность во второй половине XIX – начале XX вв. Постоянная смена ландшафта формировала и специфический тип мировоззрения и мировосприятия южно-российского казачества. Как отмечает Ф. А. Щербина: «Природа всюду и всегда налагала яркий отпечаток на деяния людей, а на Кавказе с мощной горной обстановкой и бесконечным варьированием естественных исторических особенностей, влияние ее на человеческую жизнь и взаимоотношения было тем ярче и определеннее. Как известно, важные естественно-исторические признаки каждой местности составляют: ее положение, рельеф, геологические особенности, почва, климат, воды, флора и фауна. В этом отношении естественная обстановка казачества отличается редким сочетанием таких факторов, которые имели влияние как на общий склад жизни, так и на отдельные выдающиеся ее события» [1, 2].

Действительно, казачьему населению российского Юга пришлось жить в самых разнообразных обстоятельствах, связанных с

пространственными и природными особенностями региона, меняя свое место жительства, от Черноморского побережья до степных зон, от горной местности до лесных массивов. Нередко смена природного ландшафта и обжитого пространства, происходила несколько раз на протяжении жизни одного поколения. Кроме того, постоянные воинские походы, конфликты с автохтонным населением, изначально предполагали изменения территориального характера. Они во многом определили формирование человека особого типа, готового существовать в любых климатических условиях, даже мало приспособленных для обычной жизни.

Частая смена природных и пространственных ориентиров обусловила специфический характер мировоззрения казачьего населения края. Нередко, у казачьего населения российского Юга вообще отсутствовало понятие о постоянном месте проживания. Четко обозначенного и зафиксированного сознанием «дома» у казаков не существовало. Представление о «доме», о «малой родине» включало в себя фактически весь край, его горную, приморскую и степную зоны. В любой момент казак с семьей, если таковая имелась, мог либо по указанию своего непосредственного начальства, реже по своему желанию отправиться в одну из областей российского Юга на пространстве от Терека до Черного моря и продолжать свою воинскую службу уже на новом месте, которое часто было совершенно неприспособленным для жизни и где приходилось все начинать заново.

Иногда его ждали и более далекие служебные командировки. Так, в циркуляре «О нормах и порядке отпуска денежного довольствия чинов и частей войск, отправленных на Дальний Восток» сообщалось: «Для офицерских и классовых чинов, временно командируемых в Приамурский округ и Квантунскую область прогонные деньги и пособия: семейным в размере годового оклада жалования, а не семейным 2/3 оклада 15 июля 1900 г. [2, Ф. 396. Оп. 1. Д. 7772. Л. 3].

Данный образ жизни накладывал свой отпечаток на повседневную жизнь и мировоззрение казака. Его жизненные обстоятельства могли измениться в любой момент, определенного места для жизни часто не было. Все это способствовало формированию во второй половине XIX – начале XX вв. мировоззрения личности специфического типа, постоянно находящейся в поисках лучших условий для проживания. Поэтому пространство региона воспринималась его жителями не только как территориальная величина. Как отмечал Н.И. Бондарь:

«В данном случае идет речь не только о физическом пространстве (территория), но и о социальном и этническом. В физическом плане пространство делится на неокультуренное (чужое) и окультуренное. В последнем, в свою очередь, выделяются такие локусы, как жилище, усадьба, территория, се-ление, территория войска. Каждому из них соответствует конкретный состав обязательных элементов... (нормы поведения, одежда, обряды, представления, топонимика и т.д.)» [3]. Пространство на российском Юге, таким образом, носило многомерный, многоуровневый, полифункциональный характер и далеко не всегда его физические границы совпадали с этнокультурными, цивилизационными границами России.

Как следствие казачьим населением края оно воспринималось в соответствии с несколькими критериями: близости к этносу, его досягаемости, структурированности, возможности его «условного» присвоения – закрепления в пределах российского социокультурного поля. В данном контексте восприятие пространства на уровне представлений сознания колебалось от «условно-присвоенного до этнически-культурно поглощенного».

В мировоззрении и мировосприятии казачьего населения края также отсутствовало четко определенное, раз и навсегда устоявшееся представление о времени. Каждый из казаков определял его для себя, исходя из индивидуальных особенностей, образа жизни, принадлежности к определенной культурно-этнической общности. В целом, историческое время закрепились в сознании казаков в форме пограничного, временного измерения, постоянно изменяющегося и четко неопределенного.

В данном контексте важную роль в мировоззрении казачества играло представление о границе, и не только в пространственно-временном аспекте существования человека, но и социокультурном. В пространственно-временном отношении граница могла отдаляться на значительное расстояние, но она всегда присутствовала в повседневной жизни казака, ее наличие определяло ту черту, за которой прекращается действие понятных и осознанных смыслов человеческого бытия и начинается действие элементов хаоса и дестабилизации. Эти представления носили в мировосприятии казачества сакральный характер, в них граница понималась как рубеж, где кончается «свой» мир и начинается «чуждый», непонятный, полный опасности и страха.

Такие представления были обусловлены самой формой существования поселенцев, в основе которой находилась воинская служба, охрана обжитой территории. Так, например, «черноморцы были поселены на Кубани, как военная, боевая сила, им поручены были бдение и стража пограничная от набегов народов закубанских. Поэтому охрана границ и военная служба сразу же охватила всю жизнь черноморца на Кубани. Казак занимал край не как хозяин и производитель, но как воин и защитник окраины России. Главный город войска Екатеринодар был заложен не в центре края или у моря, а на черкесской границе, на самой черте ея. Большинство куренных поселений первоначально было выдвинуто вдоль Кубани близ границ. Укрепления, кордоны или посты, батарейки и пикеты, окаймляли край по границе с одной южной ея стороны. Все приурочено было к границе... К границе были приурочены главнейшие моменты жизни казака, большую часть воинской службы черноморец был на границе, жил на кордоне и отсюда поочередно ходил и ездил то на пикеты, то в разъезды, то в ночные залогии. Днем и ночью он привязан был этой службой к пограничной линии, точно какой-то невидимой нитью...» [1, 108].

В мировоззрении и мировосприятии казачьего населения региона граница не была чем-то периферийным, отдаленным, несвязанным с повседневным человеческим существованием, напротив, она играла роль сакрального центра, вокруг которого и шла жизнь российского Юга. Неслучайно, даже, к примеру, столица Кубанского казачества располагалась не в безопасных и удобных для жизни районах края, а на самой границе, в непосредственной близости к еще неосвоенной и необжитой территории.

Пограничье в мировосприятии казачьего населения региона представляло собой не только реальный территориальный рубеж, но и определяло особые способы и формы социокультурного существования, связанные с фактором неопределенности и неустойчивости окружающего мира, она порождала в сознании казаков нестабильный инверсионный тип восприятия окружающей действительности. Коллективное сознание социума, основанное на мыслеобразе (термин Г.Д. Гачева) пограничья, отличалось крайней неустойчивостью, быстрой сменой направлений деятельности.

Эти постоянно действующие на российском Юге социокультурные факторы, а также изменение условий труда и быта казачества Юга России, перемены в его морально-нравственном облике и

культуре в первой половине XIX – начале XX вв. положили начало достаточно длительному процессу трансформации самой личности казака, ее мировоззрения и мировосприятия в пореформенный исторический период, изменению ее повседневного существования, ценностных норм и ориентиров.

Все эти перемены открыли дорогу становлению человека, иной исторической эпохи, повседневная жизнь и быт которого определялись произошедшими историческими переменами. В дальнейшем он продолжал в своей деятельности руководствоваться теми мировоззренческими, социальными и культурными установками, которые сформировались в его сознании в пореформенный период.

Произошедшие социально-экономические изменения, вызвали значительные перемены в мировосприятии личности, ее отношении к окружающему миру и своему месту в нем. По существу общественно-политические, духовные и культурные перемены, произошедшие в период второй половины XIX – начала XX вв. сформировали новый тип межличностных отношений и качественно изменили социокультурные характеристики человеческой личности. Теперь ее бытие, повседневное существование, ее отношение к окружающему миру и поведение в нем определялось наряду с традиционными факторами, рядом обстоятельств, которые отсутствовали в дореформенный период, и получили свое развитие лишь с наступлением данных кардинальных исторических изменений.

В дальнейшем они стали определять его положение в системе социально-политических координат, в структуре южно-российского социума. Эти черты, сформировавшиеся под влиянием масштабных социально-экономических преобразований, вызванных переходом от традиционной системы общественной организации к модернизационной, были не свойственны человеку традиционного российского общества, они отражали общие изменения в самой структуре российской цивилизации. В результате серьезного искусственного разрыва связи времен между поколениями казаков во многом изменились и их мировоззренческие ориентиры [4, 213–215].

В первую очередь они отражали особенности положения отдельной человеческой личности в системе социально-экономических отношений и взаимодействия различных общественных сил. В этот период под влиянием перемен в повседневном человеческом существовании формировались новые опорные символы сознания казачьего

населения Юга России, отражающие новую картину мира и систему ценностей. В пореформенный период на российском Юге появление личности нового типа было востребовано и необходимо, ее формирование стало составной частью процесса общественной трансформации, перестройки всего общественного организма. Разумеется, вся «человеческая масса» не могла приобрести новые личностные характеристики, достаточно было бы наличие определенного социального авангарда, который и являлся локомотивом общественных перемен.

Картину мира и системы ценностей человека рассматриваемого периода формировала окружающая его социокультурная и общественно-политическая реальность. Многие характеристики личности того времени определялись теми формами и способами повседневного существования, которые имели место в пореформенной действительности. Они во многом повлияли на формирование нового типа личности, для которого новое общественное, модернизационное состояние стало обыденным явлением, частью собственного существования. Модернизационные факторы в жизни человека уже не являлись отклонением от некоей нормы, они начинали восприниматься социумом того времени как нормальные, как часть его собственной повседневной жизни, а реальность, порождаемая ими, как вполне закономерная и обоснованная. Сама же его деятельность в этот период исторического времени носила на себе отпечаток всех тех процессов, которые происходили в обществе. Они проявлялись во внешних действиях человека в его отношении к окружающим событиям и явлениям, в его труде и быте, в его внутреннем мире, его эмоциональных состояниях, ценностных установках, картине мира, отношении к окружающей действительности.

Особенностью общего психоментального состояния человеческой личности в рассматриваемый период, была частая смена эмоциональных состояний, что было не характерно для более спокойных и размеренных периодов исторического времени. Частую смену эмоционального настроения общества, отдельных его слоев отмечали современники. В то время они были вполне обычным явлением, в особенности на завершающем этапе существования южно-российского казачьего социума. Противоречивые изменения в казачьей психологии проявились в решениях станичных сборов, которые стремились низвергнуть кумиров прошлого. Так, 17 апреля 1917 г. жители станицы Гиагинской Майкопского отдела обратились к Временному правительству с хода-

тайством о возвращении бывшему Урупскому (ныне Линейному) полку его прежнего наименования, линейных званий казакам этого полка, оказать им почет и уважение как борцам за свободу, а также просили наказать генерала Бабыча «как вредного вождя, решившего своей властью в 1905 году напасть на безвинных казаков Урупского полка». Под ходатайством стояло более 150 подписей [2, Ф. Р-1259. Оп. 1. Д. 35. Л. 10].

На поведение, как отдельного человека, так и всего южно-российского социума, воздействовали самые разнообразные факторы, которые тесным образом были связаны с общественно-политическими событиями того времени. Так, в ноябре 1917 года 1-й Запорожский полк, расквартированный в Казвине, созвал полковой круг и вызвал на него генерала Раддца. Казаки постановили уйти с фронта в станицы 7-го января 1918 года, если их не выведут сейчас. В случае не предоставления командованием пароходов, они будут двигаться от Решта походным маршем по берегу моря. Это постановление полкового круга сразу же было передано помкору генералу Баратову. К решению запорожцев присоединились Кубанский полк и 2-я Кубанская батарея. Н. Баратов, понимая сложность ситуации, дал согласие на уход дивизии с позиций. А в своем объяснении генералу М. Пржевальскому сообщил, что отвод войск он растянет месяца на три, «а за это время и в России, и в армии вся военно-политическая обстановка может совершенно радикально измениться» [5, 252].

В этот период, нередко для отдельной личности и казачьего сообщества в целом был характерен весь спектр эмоциональных состояний, начиная от бурного восторга и ликования, заканчивая глубоким унынием и крайним пессимизмом. Причем смена этих эмоциональных состояний проходила очень бурно и часто в довольно не обычных формах. Различные ситуации вызывали у казачества самые различные эмоциональные реакции, которые сложно было предсказать и еще более сложно управлять ими. Так, например, казаки 2-й пластунской бригады в Эрзеруме при уходе с фронта 18 сентября избили своего командующего бригадой войскового старшину Кучапова, пытавшегося их задержать, освободили с гауптвахты более 30-ти «арестованных преступников». Казаки 1-й пластунской бригады так же бросили фронт. Их отход «послужил» сигналом к такому же самовольному отходу и прочих частей 1-го Кавказского корпуса» [5, 251]. Весь фронт стремительно разваливался. Пластуны 1-й, 2-й и 4-й бригад в качестве

одной из причин требования немедленно отправить их домой, называли то, что Кубань была «наводнена солдатами», создавшими угрозу казачьим привилегиям [2, Ф. Р — 6 с. Оп. 1. Д. 2. Т. 2. Л. 384].

Контроля над поведением и эмоциональным состоянием личности не могли добиться существующие в то время власти. Общественная жизнь часто следовала за сменой таких состояний, а иногда они же были их причиной. Так, например, следующую картину настроений в Кубанской области нарисовал в своем выступлении на заседании Кубанского областного исполнительного комитета 5 июля 1917 года атаман Таманского отдела Цвишко. «Самый острый вопрос – в чьих руках власть, кто управляет населением и кто старше... На почве безвластия и отсутствия милиции развивались грабежи. Никто не знает, кто должен защищать население... Настроение жуткое. Для населения один выход – самосуды. Запутанные люди постепенно возвращаются к старым порядкам. Взаимоотношения групп населения расстраиваются» [2, Ф. Р-1259. Оп. 1. Д. 18. Л. 22].

Многие современники тех событий отмечали, что часто причинами неудач многих нововведений в то время были не объяснимая с точки зрения логики смена общественных настроений, которая происходила под влиянием факторов различного рода, в том числе и самых фантастических, неподдающихся рациональному пониманию. Действительные общественные настроения могли меняться за очень короткий промежуток времени. Восторг и ликование по поводу тех или иных нововведений и мероприятий могли в одночасье смениться разочарованием, глубоким унынием и их полным неприятием со стороны казачьего сообщества. Смена эти состояний происходила настолько быстро, что местные власти не поспевали за ней. Данные состояния кардинальным образом меняли ситуацию в казачьих станицах за считанные дни, и эту смену иногда было довольно тяжело объяснить рациональными мотивами, с помощью обычной логики. В том информационном вакууме, который был характерен для данного исторического периода, играли свою роль самые невероятные слухи, стереотипы, установки массового сознания. Иногда было достаточно распространения самых невероятных сведений, для того чтобы коренным образом изменить сложившуюся в казачьем сообществе ситуацию.

Смена эмоциональных состояний, отношений к событиям и явлениям окружающего мира была настолько стремительной, что быстро приводила казачество в состояние дезориентации. Казаки, первонач-

чально позитивно воспринимавшие различного рода новшества, активно участвующие в их осуществлении, завтра могли с тем же энтузиазмом отвергнуть их, ссылаясь на устоявшиеся традиции. Летом 1917 года из числа почетных стариков были исключены из казачьего сословия великий князь Борис Владимирович, графы Фредерикс, Бенкендорф, бывшие военные министры В. А. Сухомлинов, А. Ф. Редигер и другие сановники. С не меньшим единодушием кубанское казачество отказало в праве именоваться почетными казаками своим бывшим непосредственным начальникам — войсковым и отделиским атаманам генералам М. П. Михайлову, П. И. Кокунько, Мищенко и другим [6, 8]. В это же время в ряде станиц прошли сходы, на которых было заявлено о безусловной поддержке Временного правительства, звучали призывы к объединению всего казачества и созданию Казачьего круга [2, Ф. 1259. Оп. 1. Д. 69. Л. 2; Ф. Р – 6с. Оп. 1. Д. 10. Л. 134-135].

Часто в сознании отдельной личности совмещались совершенно противоположенные установки, находящиеся в явном противоречии. Причем в своих поступках и действиях казак чаще всего и исходил из них, что придавало совершающимся на российском Юге событиям и явлениям достаточно непредсказуемый характер, который обуславливал постоянную смену хаотических состояний в реальной действительности. Подобным образом казаки вели себя нередко и при прохождении службы. Так с начала XX в. командиры полков все чаще отмечали случаи самоубийств. В каждом конкретном случае происходило разбирательство на уровне сотни, полка, бригады. Так, например, казак из станицы Терновской Пантелеймон Кобрин, служивший в 5 сотне Кавказского полка в урочище Пуль и Хатум, 20 января 1900 г. подал жалобу командиру бригады на исполняющего дела вахмистра старшего урядника Кузьму Сидорова, что тот забрал у него полушубок, пообещав за это командировку в Персию. Командир сотни провел дознание. Свидетелями выступали урядники Ягодкин и Козлов, приказной Левин, казаки Корытков и Лазарев. Урядник показал, что шубу он действительно купил, но отдать сразу деньги не мог. Кобрин не отрицал факта продажи. В своем рапорте командир сотни доложил, что дал Сидорову 8 рублей для отдачи долга Кобрину и отпустил всех свидетелей. Казаки отправились на коновязь, так как пришло время вечерней уборки лошадей. Кобрин же пошел в казарму, где и лишил себя жизни выстрелом из 3-х линейной винтовки. Как отмечал сотенный, никаких странностей за Кобриным до этого не замечалось. Правда, в другом

документе сказано, что казак пожаловался на вымогательство старшего урядника Сидорова, который выменял своего плохого коня на прекрасного коня Кобриня. Возможно, этот обмен и привел к трагедии [2, Ф. 396. Оп. 1. Д. 7814. Л. 20-21].

Подобные явления отмечались и во время военных походов. Так, 4 октября 1900 г. на посту в урочище Тахта-Базар застрелился казак 1-й сотни Семен Рыбалкин из станицы Тифлисской. Он оставил письмо товарищам, где объяснял причины своего поступка семейными обстоятельствами: «Братцы, желательно помирать от пули, да еще на чужой стороне, но семейные расстроены дела, а виной тому жена, заставляют меня покончить с собой». Рыбалкин просил не винить живущих с ним постовых казаков. В ходе следствия выяснилось, что жена, пока казак служил, родила ребенка, очевидно, от другого мужчины. Перенести такой позор Семен Рыбалкин не смог. Чувство стыда перед станичниками вытеснило все остальное [2, Ф. 396. Оп. 1. Д. 7744. Л. 2; Ф. 411. Оп. 1. Д. 56. Л. 57-69].

Постоянная смена эмоциональных состояний в южно-российском казачьем сообществе в рассматриваемый период во многом обуславливалось «кризисными образами», сформировавшимися в коллективном сознании на рубеже веков. Появляющиеся на российском Юге новшества, в свою очередь, во многом, зависели от восприятия сознанием рядовых казаков происходящих изменений во всех сферах общественной жизни.

Переход этот выражался в нарушении общинных традиций, правовых норм, отходе от устоявшихся моральных и нравственных ценностей. Проявлялся он в неадаптивном, девиантном поведении, разрыве социальных и общественных связей. В истории казачества имелись случаи, когда отдельные личности и целые сообщества противопоставляли себя общине-миру. Это противопоставление нередко предполагало совершение криминальных антиобщественных действий. В значительных масштабах они происходили с регулярной периодичностью, а в более мелких не прекращались никогда. Часто подобные действия обретали форму социального протеста, борьбы против существующего общественного устройства и законов, установленных государственной властью. В своем высшем проявлении они предполагали войну за изменение несправедливых порядков, насаждаемых государством. Конечной целью этой войны было создание общественного устройства, основывающегося на принципах «народной воли».

В мировоззрении и мировосприятии казачества был целый пласт представлений, отражающих эту сторону жизни. В частности, представления о «правде», «лучшей доле» и т.д. Они были характерны для особой социальной группы казачества, находящейся за пределами традиционного общественного и государственного устройства и руководствующейся в своих действиях идеей независимого существования. Отличительной особенностью личности, входящей в данную группу, был неадаптивный способ мышления и отношения к окружающей социальной среде, государственной власти, что проявлялось в особых нормах поведения в конкретных жизненных ситуациях.

Индивидам данного типа было достаточно проблематично существовать в узких, строго ограниченных рамках устоявшейся общественной жизни. Они были непосредственными организаторами и активными участниками самых разнообразных антиправительственных движений, таких, например, как восстание Степана Разина, Емельяна Пугачева. Свою жизнь они нередко посвящали противостоянию с государственной властью и войсковой администрацией и другим формам индивидуального и коллективного протеста: «В Черноморье на линиях существовали даже особого рода преступления, направленные на сведение счетов обиженных с представителями тех порядков, которые поддерживались сильнейшими за счет слабых. Такова была в известной мере роль полугайдамакских шаек: теми же тенденциями пропитаны были разбойничьи действия русских отщепенцев-перебежчиков к черкесам. За зверскими приемами грабежей и насилием в обоих случаях нередко сквозили признаки протеста против личного произвола и сурового режима, созданного военными условиями и приспособленными к ним гражданскими порядками» [1, 835].

Существование в рамках единого регионального социума различных социальных и культурных групп, отдельных индивидов с различной социальной направленностью остро ставило проблему сохранения его единства, создания и совершенствования механизмов его равновесия и устойчивости. Основой для поддержания социального равновесия на российском Юге стало то, что с социумом были связаны сущностные потребности каждого его члена, которые были нельзя реализовать по причинам этнокультурного и социального характера за его пределами. Поэтому, главной из них, была потребность взаимодействовать с себе подобными на различных уровнях социального бытия.

Базовые характеристики северокавказского социума сложились под влиянием специфических региональных особенностей. На территории российского Юга с момента его заселения действовали факторы, определившие своеобразие социальной организации данной территории в сравнении с иными административно-территориальными единицами Российской империи. Среди них можно отметить следующие факторы:

- постоянные военные действия и длительный период заселение края;
- сохранение традиций в организации общественного бытия, самоуправления;
- нормы военной демократии;
- сохранение военизированной казачьей общины-мира;
- полиэтничный характер территории.

Исторически сложившаяся организация социальной жизни на российском Юге обусловила три основных источника «образования и функционирования казачьей общности. Мы имеем в виду воинскую службу, земледелие и самоуправление» [7, 73]. Данные сферы внутрисоциальной жизнедеятельности в свою очередь определяли повседневную жизнь казачьего населения Юга России и характер его мировоззрения и мировосприятия. Они обуславливали формы участия индивида в системе общественных связей, формировали представления определенного типа в сознании населения, отражавшие полифункциональный уклад регионального социального бытия: «Казачий быт исторически и слагался под влиянием троякого рода условий: военной обстановки, хозяйственной деятельности и семейно-общественного уклада. Каждая из этих трех групп явлений имела определенное значение и свои особенности. Война требовала разрушений и жертв, хозяйство – производительного труда и экономического роста, а семейно-общественные формы жизни духовного творчества и общественных устоев. Казак попеременно был то воином и жертвой, то рабочим и хозяином, то семьянином и общественным деятелем. И это разнообразие положений естественно налагало особый отпечаток на весь казачий быт и среду» [1, 823].

В характерных для казачьего населения региона представлениях о «непостоянстве» и «зыбкости» человеческого существования, о «переменчивости судьбы» на обыденном уровне и нашел выражение полифункциональный характер его социальной организации. Действитель-

но, периоды мирного труда прерывались военными конфликтами, часто менялись места проживания, нередко были переходы из одного войска в другое, постоянно видоизменялся род и вид деятельности. Полифункциональность формировала особую направленность человеческого сознания: казак никогда не ощущал себя до конца ни пахарем, ни общественным деятелем, ни даже воином. В связи с этим у казачьего населения формировался определенный тип мировоззрения, для которого в полной мере были приемлемы все эти виды деятельности, и вместе с тем ни один из них не является до конца освоенным и строго определенным.

На личность казака во второй половине XIX – начале XX вв. оказывали влияние и другие факторы. Часть из них находилась в военно-служебной плоскости, а часть в освещенных временем традициях. Так, община, согласно традиционным представлениям казаков, рассматривалась как большая единая семья с патриархальным укладом, принципом подчиненности младшего старшему, строгой вертикальной иерархией и субординацией «освященных временем».

Первоначально повседневная жизнь казачьего населения Юга России не только не разрушала подобные мировоззренческие представления, но напротив служила стимулом к их укреплению и консервации на протяжении длительного исторического времени. В первую очередь этому способствовала жесткая военная дисциплина, строгая система внутриобщинных отношений. В общинной организации значительное место занимало патриархальное единоначалие, когда старший по званию был не только военным руководителем, но и высшим авторитетом в повседневных бытовых делах, в вопросах жизнедеятельности казачьего социума.

Этим представлениям соответствовал особый характер административного устройства казачьих областей. Например, в Положении об административном управлении в Кубанской области отмечалось: «Особенность административного устройства Кубанской области, составляющей нераздельную часть Российской империи, заключается в том, что гражданская и военная власть в ней находится в руках одного лица, стоящего во главе управления областью. Лицо это - начальник Кубанской области, он же и наказной атаман Кубанского казачьего войска, живет в Екатеринодаре.

В военном отношении он пользуется всеми правами начальника дивизии, а в гражданской – властью, приравненной к власти губерна-

тора» [8, 117]. При этом если сущностные черты и характеристики образа существующей власти совпадали с представлениями большинства казачества о ней, то ее позиции здесь были достаточно прочными. Ее действия и мероприятия вызывали у казаков определенное доверие, а ее цели и задачи воспринимались вполне доброжелательно и позитивно. Однако если действия власти в каком-то отношении не вызвали совпадений с ее символическими, архетипическими образами массового сознания, то следовало отторжение всех ее мероприятий и действий, коренным образом менялось ее восприятие казачьим сознанием и от активной поддержки действий существующей власти казаки переходили к не менее активному противодействию им.

В процессе заселения и освоения территории российского Юга у казачества не могли появиться новые формы организации общественной жизни, социального и политического устройства. Напротив, процесс переселения predetermined консервацию традиционных форм управления. Условия, с которыми столкнулись переселившиеся сюда казаки, «были столь неестественны и ужасны, что казалось, ими совершенно исключалось самое скромное человеческое существование при мирной обстановке. Мирные люди не могли здесь жить, и мирная жизнь не существовала для русского человека. Не было ни семейного быта, ни хозяйства, ни промышленности, ни какой бы то ни было гражданской ответственности. Имелись налицо лишь военные укрепления и войска – на них покоился весь уклад домашнего быта» [1, 312].

Такие условия существования длительное время сохранялись и в дальнейшем, стимулируя и укрепляя традиционные формы социальной организации. Поскольку казачье сообщество не имело ни гражданского сознания, ни институциональной системы политической власти, то о политической деятельности или политической борьбе можно говорить в этом контексте весьма условно.

Важнейшие вопросы общественной жизни решались в казачьем кругу в рамках общины-мира. В казачьих поселениях преобладала станичная форма организации. Участие в станичной жизни широких масс казачества и представляло собой зачатки политической деятельности в регионе. Они были основаны на представлениях о равенстве прав, социальном единстве, начальственно-патриархальном авторитете. Эти представления на фоне отсутствия гражданского общества и партикулярного сознания играли важную роль в решении социальных проблем и задач, возникающих на различных этапах исторического

развития казачьего этноса в регионе. Как отмечал А.А. Гордеев «внутренний быт и войсковые порядки поддерживались на основе обычаев, передававшихся из поколения в поколение. Хранителями обычаев было старшее поколение и исторически сложившийся слой лиц, носивших название «войсковой старшины». Быт казаков был построен на патриархальности и уважении старших. Повиновение старшим поддерживалось обществом, виновные вызывались на общественный сбор, где производился разбор и виновный подвергался соответствующему наказанию» [9, 4].

Тем не менее, изменившиеся во второй XIX половине — начале XX вв. социально-экономические обстоятельства определяли общую эволюцию общественного сознания казачества применительно к традиционным ценностям казачьего сообщества. Сами же образы, сформированные в сознании казаков в исследуемый период, постепенно разрушались или сменялись на свою полную противоположность. Характером этих образов, их социокультурной, опорно-символической основой определялось и мировосприятие и мировоззрение казачества Юга России, его отношение к общественным явлениям рассматриваемого периода.

Дезориентация сознания значительной части казачества в пореформенный период в значительной степени определялась разрушением привычных стереотипов массового сознания казаков и формированием новых, отражающих реальности новой исторической эпохи. Традиционное отношение казачества к власти, социальным процессам и явлениям, окружающей реальности, стало постепенно изменяться. Теперь восприятие общественной реальности строилось на иной основе и отражало новый этап исторического развития южно-российского социума. На передний план выступал фактор хозяйственных, экономических изменений и порожденного ими социального раскола казачьего сообщества, который во многом определил характер драматических изменений в картине мира южно-российского казачества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Щербина Ф. А.* История Кубанского Казачьего Войска: В 2 т. Екатеринбург, 1910–1913. Т. 1.

2. Государственный архив Краснодарского края.
3. *Бондарь Н. И.* Казацкого рода-племени // Кубанские новости. 1996. 20 марта.
4. *Трут В. П.* К вопросу общей характеристики казачьего мировоззрения. Итоги этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2003 г./ Материалы Северо-Кавказской научной конференции. Краснодар, 2004.
5. *Стеклов А. П.* Революционная деятельность большевистских организаций на Кавказском фронте 1914–1917 годов. Тбилиси, 1969.
6. *Зайцев А. А.* Крушение мелкобуржуазных иллюзий на Кубани и в Черноморье. 1917–1920 гг. Краснодар, 1990.
7. *Скорик А. П.* Донская казачья субкультура как историческое явление / / Научная мысль Кавказа. 1995. № 4.
8. Хрестоматия по истории Кубани. Ч. 1. Краснодар, 1975.
9. *Гордеев А. А.* История казаков. Со времен царствования Петра Великого до начала Великой войны 1914 года. М., 1992.